

«ЛЮДИ ПРИ ЗАВОДАХ»: О КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА*

Исследователи все чаще сходятся во мнении, что «социальная структура не существовала на чисто правовой или экономической «основе»; по крайней мере, частично она была субъективной конструкцией, сформированной и понятой лицами и группами, которые определяли себя в отношениях с другими и которые были, в свою очередь, переопределяемы теми другими»¹. Делали они это с помощью идентификации, механизм которой работает по принципу разграничения «своих» и «чужих» и довольно часто в качестве «опознавателей» использует средства культуры: одежду, ритуалы, символы, язык и тому подобное. В качестве орудия разъединения-единения людей культурная идентификация формирует, воспроизводит и изменяет социальную сферу. Будучи одной из эмпирических форм проявления социальных границ, культура позволяет обнаружить органические общности, не улавливаемые формальными социологическими классификациями. Поэтому социально-экономический анализ следует дополнить изучением «осознания себя людьми членами ассоциации посредством обретения чувства культурной идентичности». Проблемы социогенеза нельзя ставить и решать в отрыве от анализа культурогенеза². Объективированные социальные группы заслоняют собой группу в субъективном восприятии, а также пути осознания того, каким образом она сформировалась в качестве общности в представлении своих членов.

Применительно к горнозаводскому населению, складывание культурной идентичности которого происходило в процессе развития с начала XVIII в. на территории края горнорудной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, это означает выяснение того, каким образом оно конструировало свое культурное «Мы», тем самым одновременно отграничивая себя

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-00462а).

от других, и ощущалось ли это «Мы» в сфере культуры другими, кто был для него актуален в социальном окружении, входил в категорию «они», и как эти «они» относились к горнозаводскому населению, как оно вообще видело общественное устройство и свое место в нем и как современники воспринимали непосредственный социальный контекст, в котором пребывало горнозаводское население.

Эти вопросы интересовали уже Д. К. Мамина-Сибиряка. «Певцу» горнозаводского Урала была свойственна постановка серьезных научных проблем истории края и решение их художественными средствами. Его творчество открыло миру культурное своеобразие жителей горнозаводского края и поставило вопрос о генезисе этой общности и ее истории. «Будущему историку Урала, – писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, – предстоит интересная задача, проследить шаг за шагом, каким путем складывалось население уральских заводов»³. Поскольку вопрос волновал и его современников, ответа пришлось ждать не долго. «Население же края, – настаивал, например, И. Сигов, – под двойным влиянием крепостного права и развивавшейся горнозаводской промышленности, предъявлявшей громадный по тому времени спрос на рабочие руки, претерпело коренную ломку во всем своем жизненном строе и путем мучительного насильственного процесса из крестьян-хлебопашцев было превращено в подневольных горнозаводских мастеровых и в обязательных (так называемых «приписных», впоследствии «непременных» и, наконец, – «сельских») горных работников, которые составили новый, совершенно особенный класс, не имеющий ничего общего с прежним свободным земледельческим населением»⁴.

Если убрать налет «насилия», наблюдение И. Сигова заключалось в том, что горная промышленность переделала, прежде всего, имевшееся до ее появления на Урале земледельческое население в «совершенно особенный класс». Следы подобной переделки в границах отдельных заводов и округов получили отражение в ответах на анкету Русского географического общества середины XIX в. За сто лет существования Юговского завода Кнауфа его население так «между собой сблизилось, сроднилось, уравнилось, что нет никаких признаков различия», – сообщил, например, один из корреспондентов РГО. Заводчане перестали обращать внимание «на то, откуда их предки», а «живут и думают так, как будто бы

они были коренные здешние жители»⁵. «Внучата переселенцев, – писали из Кушвы, – уже не похожи по наречию на своих дедушек, и все говорят наречием общим, которое не в заводах именуется заводским и составляет наречие общее для всего Гороблагодатского заводского округа»⁶.

Обращают на себя внимание и постоянные высказывания современников об унификации, стандартизации культурных явлений в горнозаводской среде – рассказывал ли Д. Н. Мамин-Сибиряк о том, что заводские поселки похожи друг на друга, «как две капли воды», или о рядах одинаковых домиков их жителей, сообщал ли Н. С. Попов о сходстве «заводского наряда» в связи с «заимствованием» его из признанных заводских центров «моды». Подобные свидетельства позволяют интерпретировать происходящее как идентификационный культурный процесс, итог которого урядник Нижнеисетского завода Ждановский в 1855 г. обозначил следующим образом: «Все мастеровые и семейства их наружность, домашний быт, одежду, нравы, обычаи и обряды, пищу и пр. имеют совершенно согласно с прочими мастеровыми»⁷.

Происходившая позднее – с середины XVIII в. – промышленная колонизация Южного Урала повторила обозначенный процесс и пришла (соответственно, в более позднее – к 1861 г. – время) к аналогичным результатам. «Заводы росли и размножались, – писал Ф. Д. Нефедов. – К ним стягивались и прикреплялись рабочие люди: беглые, переселенцы, успевшие уже осесть, и крестьяне, покупаемые у помещиков и вывозимые заводчиками из внутренней России в Башкирию. Новая своеобразная жизнь начиналась в заводах, – жизнь, полная нескончаемых печалей, но не лишенная и своих радостей; в течение более ста лет она складывалась и, наконец, сложилась в определенные формы, выработался тип заводского человека»⁸.

Очередной виток культурогенеза продемонстрировали переселенные на территорию Урала еще позднее – в начале XIX в. – украинцы. «По наружному виду, – отмечал Д. Н. Мамин-Сибиряк, – вы ничем не отличите хохла от других мастеровых коренного заводского населения, даже в одежде не сохранилось никаких особенностей. На такую метаморфозу завязанного хохла в уральского горнорабочего потребовалось всего 70–80 лет, то есть смена четырех поколений»⁹. Культурное единение в рамках всего горнозаводского Урала засвидетельствовал Р. Попов. «На

Урале и теперь, – писал он в 1870-х гг., – не редкость встретить не только в одном заводском округе, но и в одном заводе, потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения. Но вся эта разнохарактерность происхождения сгладилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего»¹⁰. Используя терминологию современного исследователя, следует признать, что завод «навязывал иные масштабы, время, образ жизни и культуры»¹¹, благодаря которым постепенно («шаг за шагом») исчезали – здесь опять придется перейти на язык того времени – различия в «верованиях, характере, привычках, идиотизмах и наречии» первопоселенцев.

Современники не раз отмечали особый ментальный склад горнозаводского населения, явившейся следствием его профессиональной занятости. «Сам род занятий заводских людей, – писал в 1864 г. М. Кирпишиков, – имеет на них развивающее влияние, вследствие чего заводской мастеровой по умственному развитию стоит выше здешнего крестьянина»¹². «В здешних краях, – сообщали еще в 1842 г. из Нижнетагильского округа, – дух народный, как людей фабричных, имеет большую разницу против обыкновенных земледельческих поселян»¹³. «По отзывам наблюдателей, – резюмировал в 1870-е гг. Р. Попов, – горнозаводские рабочие одни из более развитых интеллигентных представителей рабочего класса, и даже крепостное право не могло окончательно обезличить их и забыть, как обезличило и забило массу крестьянского населения»¹⁴.

Сложная кооперация труда способствовала единению рабочих. В песне, датированной XVIII в., «О, се горные работы» появляется и остается в рабочем фольклоре коллективный лирический герой – «мы». Еще раньше это местоимение прозвучало в прошениях горнозаводских жителей: «...Против крестьян мы пашенных земель, сенных покосов и протчих удовольствий ничего не имеем, но питаемся от одного только, что получаемой за работы платы»¹⁵. И продолжало звучать в начале XX в. «Мы – не фабричные, мы – горные, – объясняли И. Х. Озерову свое положение рабочие во время кризиса 1910-х гг., – и нам работа со стороны заводоуправления должна быть дана»¹⁶. Обретение собственного «голоса» стало важным моментом в установлении культурной идентичности горнозаводского населения.

До появления в эпоху Просвещения «негативного прочтения жертвоприношения», общности рассматривали сакральную жертву в качестве основы своего единения¹⁷. Занятые в горнозаводском производстве рабочие во многом воспринимали себя как жертву, ибо трудились до последнего предела – «до измору», работа их «изнуряла», «вымогала», «изнашивала». Работники плющильного цеха Павловского завода в прошении 1846 г. заявляли о себе, как об «отдавших жизнь и здоровье на огненной работе»¹⁸. Мотив жертвенности нашел свое отражение в легендарных преданиях о массовой гибели и убийствах рабочих (например, затопление Демидовым подвалов Невьянской башни, вместе с находившимися в них людьми). Один из жителей северного Урала следующим образом представлял себе возникновение завода в этой местности: «Наш медный завод Походяшин, хозяин-то, на костях выстроил. На костях и домну задул. Золото кровью мыли». Народное сознание распространяло этот вывод на всю горнозаводскую промышленность края: «уральские заводы выстроены ценой крови, на костях человеческих»¹⁹. О превращении данного образа в расхожее выражение свидетельствует угроза доверенного Строганова Седова, публично заявившего, что застрелит лазаревского приказчика Ипанова на месте постройки Кизеловского завода «и пусть де Лазарев сделает основание завода на костях Ипанова»²⁰.

Сохранялась память о настоящих жертвах промышленным монстрам. При строительстве завода под его основание закапывали живого человека, чтобы сооружения крепче «держали». Со временем этот обычай стал настолько привычным, что человека закапывали и под плотину пруда, прорыв которой грозил гибелью селения и остановкой завода. Поэтому подобное действие считалось «святным», «благочестивым» делом. Ямщик из горнозаводских доверительно сообщал П. И. Мельникову о Чермозском заводе: «Пруду верст десятка на три конца нет, а плотина-то не больно же таки ахти, а все держится». «Вестимо, – полагал рассказчик, – что благочестивый человек ее строил. Ничего не прорвет ее; не бойсь, уж не пойдет нечистый свадьбу играть». Речь шла, по определению П. И. Мельникова, о «чисто заводско-русском поверье» про «чертову свадьбу». «На Очере пруд-то весь на плотину и бросился (в самую полночь) так от нее только щепочки кое-где остались, а крепкая такая была. Что же это за притча такая содеялась. Ан утресь глядь, а по глине-то следы нечистого и знать. Следы как

куриные, только что по сажени каждый. Ну, кому же это, как не самому отятому (отятый значит черт). Слышь, после и проведали у знахарей, что-де это он свадьбу играл. Вот, кормилец, какие прищичи сделались! Нет, ведь он на заводах-то куда силен!»²¹.

Когда впервые загружались заводские печи и горны, чтобы получить высокого качества плавку или литье, по рассказам рабочих, вместе с рудой и топливом в них обязательно бросали и человека²². Обычно для этого выбирали самого бедного, захудалого нищего или калеку. «Напоят его до потери чувств, – записывал современник, – и, подводя к будущей плотине, трижды спрашивают – будто все делается с его согласия:

– Укрепишь ли ты?

И тот должен был три раза повторить:

– Укреплю!

Потом его заваливали землей и песком, и человек оказывался **заживо погребенным**»²³.

Символом страданий горнозаводского населения края стала Невьянская башня: «В ее подземельях и народ топили, в ее закоулках, людей замуровывали. Народ говорит о ней, что не скажут выходцы с того света, народу каждое пятно на этих окаменевших стенах кажется следом убийств, каждый загадочный шум в стене стонами когда-то замученных в каменных мешках жертв». И «пошатнулась» она, по мнению народа, «от жестокости заводчиков»²⁴. «По сие время, – писал в конце XIX в. Д. Н. Мамин-Сибиряк, – на многих уральских заводах сохранились предания о том, как рабочих бросали в жерла доменных печей или топили в прудах, известный заводчик Зотов ходил по фабрикам с пистолетом и стрелял ослушников как зайцев»²⁵.

Таким образом, самопожертвование было способом самовыделения горнозаводской общности, с помощью которого ее члены возводили себя в ранг исключительности, гордились полученным в лишениях большим социальным опытом²⁶. Апокриф, принадлежавший горнозаводской среде, следующим образом «трактовал» «священную» историю: Адам был пахарем, его сыновья – Авель и Каин – пастухом и земледельцем, а старшему сыну Лалиха Фафолку «показал господь руду копати, молот и клещи»²⁷. Несомненно, он свидетельствует о стремлении жителей заводского Урала найти в религиозном плане «оправдание своей деятельности, призвания, подтверждения своего достоинства и гарантию своего спасения

не вопреки, а с помощью своей профессии»²⁸. Однако это предание содержало еще одну важную мифологему. По замечанию М.К.Петрова, «на знаковом уровне целостность всеобщего обеспечивается идеей семьи». При использовании семейного кода единство происхождения понимается как кровное родство²⁹. Тема «колен» – потомков первопредка, одним из которых являлся родоначальник горняков и металлургов Фафоля, явилось средством идентификации горнозаводского населения, с помощью которого оно определяло себя в окружающем мире.

Окружающие – местное русское земледельческое и нерусское население – встретили «новую породу людей» неласково. Они недоброжелательно отнеслись к разработке недр и появлению заводов на своей территории. «Воровские нападения» башкир – суровая действительность не только Южного, но и Среднего Урала на протяжении всего XVIII в. Во время восстания Е. Пугачева «бунтующие башкирцы» не только разрушали ненавистные им заводы, но и «крестьянское дворовое, огородное и огуменное строение огнем испортили, а крестьян мужеска пола, муча разными побоями, многих и смерти предали... оставших в живе мужеск пол, разграбленных и измученных разными тиранскими муками и ранами, а женск пол обруганными... в сущей бедности, нагоде и голоде с семействами их с заводского места выгнали». Те, кого после «умиротворения» восставших, удалось разыскать и вернуть, представляли собой жалкое зрелище: находились «в крайнем всего недостатке, как пищи и одежи, так скота, лошадей и конской упряжи»³⁰. Отпор врагу и обеспечение собственной безопасности дали мощный импульс для осознания факта близости и единства горнозаводских жителей.

Бытование до сегодняшнего дня множества преданий о мученической смерти вогула Степана Чумпина от рук соплеменников за указание русским месторождения на горе Благодать³¹, – отголосок борьбы заводов «за место под солнцем» уже на территории Северного Урала.

Не прекращавшееся на протяжении XVIII – начала XIX вв. сопротивление приписных крестьян может рассматриваться, как стремление отграничить сельский «мир» от заводского. Речь, как показал А. Н. Гладких на материалах Красноуфимского уезда, шла именно о разграничении в социальной сфере, способствовавшему упорядочению общественных взаимоотношений. «Браки

между нами очень редки, – писал он, – несмотря на то, что те и другие живут бок о бок «в сусидях» и постоянно как ранее «из покон-век», так и «осою пору» имели и имеют делово-хозяйственные отношения между собой – заводские как потребители, а простые крестьяне как производители и поставщики продуктов обработки земледелия»³². Заезжий журналист В. И. Немирович-Данченко для характеристики данного явления использовал аналогичное выражение «бок о бок». Тагильский рабочий, по его наблюдениям, «вообще, мало похож на рядом живущего уральского мужика, даже на тут же бок о бок». И далее продолжал: «Хлебопашцы – в ином положении. Они не отличаются от общей безграмотной и темной массы своих братьев и живут беднее заводских. Даже бок о бок – а какая глубокая разница между теми и другими»³³.

Труд на заводах предстал в глазах крестьян «бесчеловечным» и весь заводской порядок, по их мнению, был чужд человеческой природе. «Сие дело, – писал в 1712 г. об отношении населения Урала к обнаруженным здесь полезным ископаемым Блиэр, – за ниспослание коего надо Всевышнего благодарить, более проклинается...»³⁴. В конце XIX в. заводы, судя по рассказу одного из сельских жителей, стали причиной буйного помешательства его жены. «Исцеление» ее Симеоном Верхотурским получило огласку, попав в прессу. «Пять лет назад накануне Казанской, – рассказывал в 1896 г. муж «исцеленной», – мы с женой направлялись в свою деревню, лежащую поблизости от Саткинского завода. Путь лежал мимо фабрики. Шум фабричных машин и огонь на заводе разбудил мою спящую жену. Раскрыв глаза, она задрожала всем телом, моментально лишилась рассудка»³⁵. От подобных примеров негативного воздействия промышленного производства на здоровье человека было недалеко до признания «нехорошей», «безнравственной» природы живущих и работающих в такой среде людей. Дед Д. Н. Мамина-Сибиряка был убежден, что «на заводах живут одни разбойники», а крестьяне Красноуфимского уезда считали «заводшину» «отчаенными людьми, хамовым коленом»³⁶. В оценке горнозаводского уклада с ними были солидарны нерусские народы края. В названии нескольких уральских заводов закрепилось слово «Шайтанский»: Висимо-Шайтанский, Васильевско-Шайтанский и пр. А шайтан – иное, заимствованное у местных тюркоязычных народов название демонического персонажа.

Показателен случай 1809 г. с крестьянской «девкой» Аятской волости Матреной Родионовой Утениной, которая собралась замуж за работника Верх-Исетского завода Фотия Вавилова. Перед венчанием священник Троицкой церкви Иван Андреев Мещанов «посоветовал» невесте, «чтоб не ходила в эдакую смолу». И далее «отговаривал»: «Не ходи, девка на варварские заводы». В результате подобной «проповеди» свадьба растроилась³⁷. В 1860-е гг. дед Д. Н. Мамина-Сибиряка, горнощитский дьякон дал заводам аналогичную оценку: только «копоть и дым»³⁸. Аналогичному осуждению подвергалось и рудное дело. «Мне неоднократно приходилось встречаться (особенно в беседах с раскольниками), – писал про уральских сельчан Г. Белорецкий, – с очень недоброжелательным отношением к всякого рода попыткам с той или иной целью «изрыть грудь матушки сырой земли». Земледелие, это – дело, освещенное словом Божиим, а копанье земли из-за скрывающихся в ее недрах богатств, это уже от лукавого, это уже оскорбление, надругательство над землей». «Горщики», ведущие поиск «серебра, золота, камней самоцветных», в духовных стихах прямо названы «бесами погаными»³⁹.

Намерение избавиться от «родимых пятен» прошлого при осознании себя принципиально иной социальной общностью обусловили стремление горнозаводского населения провести резкую разграничительную черту между собой и крестьянством. Указание на то, что они «не мужики» было постоянным в рассуждениях рабочих. «Цивилизованный заводской попович Александр Иваныч», по свидетельству мемуаров Д. Н. Мамина-Сибиряка, «относился ко всякой деревенщине с величайшим презрением, как к низшим существам», а заводские жители Красноуфимского уезда пренебрежительно называли своих сельских соседей «мешками»⁴⁰. По наблюдениям В. И. Немировича-Данченко, в 1870-е гг. рабочие Нижнего Тагила «соблюдали» себя «в аккурате»: «старались быть чисто одетыми», «хорошо держались» и наблюдатель «с первого взгляда» «замечал у них некоторую выдержку», вежливость по отношению друг к другу, отсутствие ругани и нецензурных слов. Будучи столь «развитыми в умственном отношении», они считали неприемлемым для себя участие в хороводах: «Помилуйте, мужицкое дело». «Господа рабочие» предпочитали гулять «по благородному» – «без шута», обращались друг другу с помощью интеллигентного «Вы»⁴¹. В горнозаводской среде была взята под

сомнение свойственная дондустриальным обществам высокая ценность сельскохозяйственного труда. «Ловко крестьянину-ту и богатеть-ту: посеет мешок (зерна), а намолотит два», — рассуждали в конце XIX в. на заводах Красноуфимского уезда⁴².

На примере Камско-Воткинского округа, включавшего в середине XIX в. сельчан, заводчан и «инородцев», М. Блинов показал результаты работы «взаимного отчуждения» как одного из механизмов социокультурного структурирования. «Всегда можно отличить заводского жителя, мастерового от урочного работника, вотяка от того и от другого, — уверял он. — Работы в заводе, требующие ловкости, проворства, иногда смешлености делают из мастерового человека более или менее развязного и способного; он сметлив и смышлен; в нем проявляется склонность к образованию. Урочный работник, которому лес служит пристанищем более половины года, во всех отношениях далеко отстал от мастерового; он груб и неповоротлив; к ремеслам мало способен и вовсе не занимается ими; умственные способности его развиты плохо; смышлености и сметливости в нем весьма мало» Вотяки, «ведя знакомство и хлебосольство с соседями-русскими, особенно с мастеровыми Воткинского и Ижевского заводов», оставались, по наблюдениям данного автора, «существами совершенно отдельными»: они сохранили нравы и обычаи старины, а их «умственная и нравственная сторона» носила «печать патриархальности»⁴³.

Итак, достаточно очевидно, что «плавильный котел» горнозаводской промышленности переплавлял не только куски руды в металл, но и представителей нескольких социальных и этнических групп в новую общность — горнозаводское население. На примере последнего становится понятным, что «осознание себя людьми — членами ассоциации посредством обретения чувства культурной идентичности» означает создание ими своего «образа» и «образов» ближайших соседей. Это — субъективные культурные конструкции, и уже поэтому они являются продуктом идеологической предвзятости, а процесс культурной идентификации нарисовал для горнозаводского населения черно-белый образ мира, разделив его на своих и чужих. Более всего горнозаводское население находилось в борениях и взаимосвязях с уральским крестьянством и нерусским населением Урала. Предъявление этому непосредственного социальному окружению своей по-

зиции, которая предстает как объективизация общественного доверия к навязываемым социумом представлениям, началась для мастеровых и рабочих людей с «заявления о себе» в период строительства заводов. Замешанная на идее жертвенности самоидентификация горнозаводского населения рассматривала соседей (тем самым, отграничивая себя от них) как олицетворение старого порядка или в качестве, стоящих на более низкой по сравнению с ним ступени культуры, варваров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виртшафтер Э. К.* Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002. С. 179.

2. *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 295.

3. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С.52.

4. *Сизов И.* Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. 1899. № 3. С. 197.

5. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–1 об.

6. Там же. Д. 17. Л. 1.

7. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1511. Л. 6.

8. *Нефедов Ф. Д.* В горах и степях Башкирии // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. 2. С. 167.

9. *Сибиряк Д.* Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Отечественные записки. 1883. № 7. С. 12.

10. *Попов Р.* Горнозаводской Урал // Отечественные записки. С. 331.

11. *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 208.

12. *Кирпищиков М.* Очерк быта мастеровых Чермозского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // ПГВ. 1864. № 34. С. 238.

13. *Шкерин В. А.* Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX века (по материалам прошений). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 71.

14. *Попов Р.* Горнозаводской Урал. С. 331.

15. *Черкасова А. С.* Мастеровые и рабочие люди Урала в XVIII веке. М., 1985. С. 141.

16. *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 38.

17. *Савчук В.* Общество обезболенных // Ступени. Петербургский альманах. № 1 (11) Боль, насилие, фашизм. СПб, 2000. С. 51–52.

18. *Шкерин В. А.* Социальное самосознание уральских рабочих... С. 115.

19. *Лазарев А. И.* Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 135, 137.

20. *Новокрепленных Н. Н.* Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892. С. 64.

21. *Мельников П. И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. № 4. Т. 15. Отд. 7. С. 77–78.

22. *Сизов И.* Народ и посессионные владения... С. 207.

23. *Ахметшин Б. Г.* Образы Хозяина и Хозяйки подземных богатств в фольклоре горняков Башкирии (по материалам фольклорных экспедиций Башкирского университета) // Фольклор Урала. Вып. 2. Фольклорная проза. Свердловск, 1976. С. 37–38.

24. *Китайник М. Г.* Рассказы рабочих дореволюционного Урала // Труды института этнографии. Т. 2. 1953. С. 68.

25. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Урала до Москвы. С. 35.

26. *Шкерин В. А.* Социальное самосознание уральских рабочих... С. 71.

27. *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль... С. 234.

28. *Ле Гофф Ж.* Ремесло и профессия в средневековых руководствах для исповедников // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 99, 102.

29. *Петров М. К.* Язык, знак, культура. М., 1991. С. 107.

30. *Мукомолов А. Ф.* На южноуральских заводах. М., 2001. Кн. 2. С. 124, 128.

31. Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы. Свердловск, 1991. С. 97–98.

32. *Гладких А. Н.* Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской государственной ученой архивной комиссии. Вып. 10. Пермь, 1913. С. 6–7, 24.

33. *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. СПб, 1904. Т. 2. С. 406, 410.

34. *Попов Р.* Горнозаводской Урал. С. 335.

35. Чудесное проявление милости Божией по молитвам и ходатайству святого угодника Симеона Верхотурского // ЕЕВ. 1896, № 5–6. С. 127.

36. Миненко Н. А. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. // Уральский исторический вестник. № 2. Культура провинциальной России. Екатеринбург, 1995. С. 30–31.

37. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 348. Л. 23 об., 27 об.

38. Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого // Собр. соч. в 12-ти т. Т. XII. С. 42.

39. Белорецкий Г. Сказитель-гуслияр в Уральском крае // Русское богатство. 1902. № 11. С. 40.

40. Миненко Н. А. Традиционная русская культура... С. 30–31.

41. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. Т. 2. С. 407.

42. Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды... С. 6.

43. Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяхах // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. № 3. Отд. 3. С. 40–42, 55.